



НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В КОНТЕКСТЕ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ИМУЩЕСТВА, КОТОРОЕ АРЕСТОВАНО, ЗАСТАВЛЕННОГО ИМУЩЕСТВА ИЛИ ИМУЩЕСТВА, КОТОРОЕ ОПИСАНО ИЛИ ПОДЛЕЖИТ КОНФИСКАЦИИ (СТАТЬЯ 388 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ)

Олег ЛАГНЮК,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

In an article carried out theoretical research on identifying some of the aspects of the subjective side in a context of illegal actions on the property to which the arrested, compelled property or the property that describes or subject to confiscation (article 388 of the Criminal Code of Ukraine). An analysis of the legal literature and the positions of the leading scientists and scholars who are engaged in this issue are conducted. A concept and maintenance of the subjective side of the crime open up as an important element in the structure of the crime. It is established that only a comprehensive approach in examining and evaluating the individual constituent elements of subjective side of specified crime significantly helps in finding the truth about the real reasons of the crime and the person of the criminal.

Key words: crime, the subjective side, property, position, qualification, research.

Аннотация

В статье проведены теоретические исследования по определению некоторых аспектов субъективной стороны в контексте незаконных действий относительно имущества, которое арестовано, заставленного имущества или имущества, которое описано или подлежит конфискации (статья 388 Уголовного кодекса Украины). Осуществляется анализ юридической литературы и позиций ведущих ученых, которые занимаются изучением этого вопроса. Раскрывается определение и содержание субъективной стороны преступления как важного элемента в структуре состава преступления. Установлено, что только комплексный подход в изучении и оценке отдельных составных элементов субъективной стороны указанного преступления значительно помогает в нахождении истины относительно реальных причин преступности и личности преступника.

Ключевые слова: преступление, субъективная сторона, имущество, позиция, квалификация, исследование.

Постановка проблемы. Одной из наиболее острых проблем внутреннего судопроизводства является ненадлежащее исполнение судебных решений. Фактическое осуществление решений судов способствует также осуществлению законов в жизни и укреплению их авторитета, защите прав, свобод и законных интересов граждан. Радикальное улучшение исполнения решений суда является одной из задач Концепции усовершенствования судопроизводства для становления справедливого суда в Украине согласно европейским стандартам, утверждённых Президентским указом № 361/2006 от 10 мая 2006 года. Разрешение судебного разбирательства без неоправданных и ненужных проволочек является ключом к эффективной защите индивидуальных прав. В частности, уголовная ответственность за незаконные действия относительно имущества, которое арестовано, заставленного имущества или имущества, которое описано или подлежит конфискации, безусловно, призвана обеспечить эффективность правосудия

в части осуществления решений судов. Действительно, ведь введение ограничений на отчуждение имущества, арест и опись имущества способствует быстрому рассмотрению дел и быстрому исполнению решений, а исследование такого элемента состава указанного преступления, как субъективная сторона, поможет определить реальную причину совершения преступных деяний для их предотвращения.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что во многих случаях невозможность исполнения судебных решений уполномоченными на то органами обусловлена, в первую очередь, объективными факторами (укрывательство, растрата, отчуждение имущества). Однако и субъективные факторы (вина, мотив, умысел) определяют, что движет тем или иным человеком при осуществлении преступных деяний.

Состояние исследования. Научный анализ определения субъективной стороны в контексте указанных составов преступления осуществлялся многими отечественными учёными. Среди них следует назвать О.О. Дудорова,

В.И. Тютюгина, А.С. Беницкого, А.И. Рарога, П.С. Дагеля, которые детально рассматривали и анализировали этот вопрос с позиций исследования всего преступления в целом.

Целью и задачей статьи является исследование такого важного элемента в контексте составов преступления незаконных действий относительно имущества, которое арестовано, заставленного имущества или имущества, которое описано или подлежит конфискации как субъективная сторона, что, по моему мнению, поможет в определении реальных причин и обстоятельств совершения преступления. Новизна заключается в том, что сделана попытка проанализировать разные позиции учёных в этой области с целью дальнейшего рассмотрения и изучения проблемных вопросов диссертационной работы.

Изложение основного материала. Субъективная сторона преступления является неотъемлемым элементом состава преступления и характеризует внутреннее содержание преступления – психические процессы, которые про-



исходят в сознании человека, когда он совершает преступление, психическое отношение к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям.

Окончательный мотивированный вывод относительно признаков субъективной стороны состава преступления во многих случаях можно сделать, только полностью определив все обстоятельства совершённого преступления.

Практическое значение субъективной стороны заключается в том, что она является элементом состава преступления и входит в основания уголовной ответственности. Также позволяет осуществлять надлежащую квалификацию деяния и его отмежевания от других преступлений, определить степень общественной опасности деяния и лица, совершившего его, осуществить индивидуализацию наказания правонарушителя, решить вопрос о возможности его освобождения от уголовной ответственности и наказания. Содержание субъективной стороны существенно влияет на степень общественной опасности совершённого преступления, и таким образом, – на характер ответственности и размер наказания.

Содержание субъективной стороны состава преступления определяется с помощью юридических признаков, которые её составляют, – таких, как вина, мотив, цель, эмоциональное состояние. Они представляют собой различные формы психической деятельности, но в то же время неразрывно связаны между собой и взаимозависимы. Это явления с самостоятельным содержанием, в структуре субъективной стороны они не поглощают друг друга, имеют разное, только им свойственное, правовое значение [1, с. 131].

К основным элементам субъективной стороны состава преступления относится вина, которая согласно ст. 23 Уголовного кодекса Украины может выражаться в форме умысла или неосторожности. Мотив и цель преступления являются дополнительными элементами субъективной стороны. Относительно отнесения эмоционального состояния к элементам субъективной стороны следует отметить, что до настоящего времени в науке уголовного права этот вопрос является спорным. Так, по мнению А.И. Рарога, эмоции выражают больше социальную, чем

юридическую характеристику, и касаются субъекта преступления [2, с. 11]. А.П. Козлов считает, что эмоции являются одной из категорий, которые составляют потребно-мотивационную сферу, но не включены как отдельный элемент в структуру субъективной стороны преступления [3, с. 520].

С субъективной стороны все преступления, предусмотренные ст. 388 Уголовного кодекса Украины, совершаются с прямым умыслом. По данному вопросу позиции учёных являются единогласными. Так, по мнению В.И. Тютюгина, субъективная сторона преступления характеризуется только прямым умыслом, а мотивы его совершения могут быть любыми [4, с. 1083]. А.А. Стрижевская считает, что субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом: человек понимает, что скрывает имущество, которое подлежит конфискации или которое описано, заставлено или арестовано, и желает именно этого [5, с. 1270]. А.А. Дудоров определяет, что субъективная сторона преступления характеризуется умыслом. При этом интеллектуальным признаком умысла виновного должна охватываться принадлежность имущества к арестованному, описанному, заставленному или конфискованному [6, с. 1164].

Таким образом, заведомая осведомлённость субъекта в том, что имущество, которое является предметом преступления, относится к арестованному, описанному, заставленному или конфискованному, является характеристикой, в данном случае, субъективной стороны преступления по ст. 388 Уголовного кодекса Украины.

Следует отметить, что в теории уголовного права продолжают обсуждаться относительно отнесения так называемой «заведомости» к признакам субъективной стороны состава преступления. Так, тот же А.И. Рарог отмечает, что включение заведомости к признакам субъективной стороны не оправдано. Заведомость – это не самостоятельный элемент психической деятельности человека, а особенный технический приём, который используется для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъект при совершении деяния действительно знал о наличии тех или иных обстоя-

тельств, которые имеют существенное значение для квалификации преступления или назначения наказания. Однако это мнение не является достаточно последовательным. В данном случае, по моему мнению, следует поддерживать позицию П.И. Орлова, который отмечает, что заведомость всегда предполагает осведомлённость лица с некоторыми обстоятельствами, и таким образом является признаком, что характеризует интеллектуальный момент вины. Любые данные о состоянии воли человека понятие заведомости не содержит [7, с. 55]. Таким образом, заведомость действительно не является самостоятельным элементом психической деятельности человека и поэтому не может рассматриваться как самостоятельный признак субъективной стороны преступления. Однако она является признаком, который характеризует вину, а именно её интеллектуальный момент, и поэтому должна рассматриваться в рамках субъективной стороны.

Исходя из диспозиции ст. 388 Уголовного кодекса Украины, любые незаконные действия относительно имущества, которое является предметом преступления, без намерения совершить такие действия, а также без заведомого знания, что имущество является арестованным, конфискованным, описанным или заставленным, не могут рассматриваться в качестве преступлений. Субъект осознаёт общественно опасный характер растраты, отчуждения или иного незаконного действия с предметами преступлений, предусмотренными в указанной статье, которые были вверены ему, предусматривает неизбежность или возможность возникновения ущерба (интеллектуальный момент преднамеренной формы вины) и хочет совершить такие незаконные действия (волевой момент). По общему правилу, осознание общественно опасного характера своего поведения, не включает в себя осознания противоправности такого поведения. Здесь достаточно того, что человек осознаёт способность своего деяния объективно нанести ущерб определённым объектам уголовно-правовой защиты, и при этом не требуется, чтобы субъект точно осознавал на какой непосредственный объект он посягает.

Кроме того, анализ ст. 388 Уголовного кодекса Украины даёт основания



говорить, что в этом случае, при совершении действий, которые перечислены в диспозиции данной статьи, субъект не просто обязан осознавать общественно опасный характер своих действий, но также и точно знать, что такие действия являются незаконными. Об этом свидетельствует, в том числе, такой признак, как вверенность этого имущества субъекту. Во всех случаях субъект должен уведомляться под расписку об объёме обязанностей и прав в отношении такого имущества. Если человеку не было вверено имущество с уведомлением полномочий относительно него, по моему мнению, привлечь к ответственности такого человека нельзя.

При определении субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 388 Уголовного кодекса Украины, сперва возникают обсуждения по поводу определения содержания вины. Как отмечалось выше, преступления, указанные в этой статье, являются преступлениями с формальным составом. В этой связи и возникает дискуссия, касающаяся определения субъективной стороны этого преступления.

Наиболее распространённой позицией в этом отношении является мысль о том, что интеллектуальный признак умысла в этих случаях включает только осознание общественно опасного характера своего деяния, отношение к последствиям здесь не происходит и не может произойти. А волевой признак умысла ограничивается желанием совершения конкретного деяния или бездействия [8, с. 149].

По мнению В.П. Емельянова, такая позиция является неточной, поскольку законодатель даёт определение умыслу и неосторожности не относительно составов, а относительно преступления как явления реальной действительности. Преступление, в свою очередь, как любое посягательство на какой-то объект, неотвратимо приводит к возникновению тех или иных последствий, и у виновного всегда присутствует определённое психическое отношение не только к своему деянию, но и к последствиям, независимо от того предусмотрены ли признаки таких последствий в соответствующих составах, или нет. К формальным составам относятся грабёж и вымогательство, но это не оз-

начает, что лица, которые совершают эти преступления, понимая общественно опасный характер своих действий, не предусматривают наступления общественно опасных последствий и не хотят их наступления [9, с. 209].

Действительно, совершая преступление с формальным составом, виновное лицо может предвидеть наступление общественно опасных последствий и желать их наступления, но такое предвидение и желание находятся вне состава преступления, их определение не является обязательным. Здесь объём вины сводится к определению психического отношения к самому общественно опасному деянию. Это обусловлено юридической конструкцией такого состава преступления. Таким образом, объём вины преступления с формальным составом сводится к определению интеллектуального и волевого моментов относительно общественно опасного деяния.

При прямом умысле интеллектуальный момент образуют осознание общественной опасности своего поведения и предвидение его вредных последствий.

Что касается соотношения понятий «осознание» и «предвидение» в структуре интеллектуального момента вины, в науке уголовного права высказываются различные точки зрения. Согласно одному мнению, которое представляет Н.Г. Иванов, предвидение является разновидностью осознания, поскольку означает осознание развития явления и его результата. И поскольку предусмотреть не осознавая невозможно, то выделение предвидения является нецелесообразным, и этот признак следует исключить из законодательного определения форм вины [10, с. 17]. П.С. Дагель, напротив, считает, что именно предвидение последствий приводит к осознанию общественно опасного характера деяния, то есть признак вины «осознание» дублирует предвидение и подлежит исключению [11, с. 130].

Сознание скрывает в себе не только чёткое понимание фактической стороны преступления, его содержания, характера и всех других объективных признаков, но и определённое понимание социально политической значимости совершённого деяния, его социальной вредности. Предвидение означает, что в сознании данного че-

ловека сложилось определённое воображение о возможных или неизбежных последствиях своего деяния. При этом предвидение здесь имеет конкретный характер. Человек имеет чёткое представление, что именно его конкретные деяния повлекут или могут повлечь общественно опасные последствия.

Предвидение, в случае квалификации по ст. 388 Уголовного кодекса Украины, должно выражаться именно в непременности причинения вреда, когда субъект, будучи уверенным в реальности его наступления, направляет свои усилия на достижение конкретного результата. Например, в случае совершения укрывательства имущества, которое подлежит аресту или конфискации по решению суда, субъект осознаёт, что он вредит процессу отправления правосудия.

Вместе с тем в научной литературе вопрос о содержании волевого момента в преступлениях с формальным составом остаётся спорным.

В частности, говорится, что деяние само по себе не является предметом желания, таким является результат деяния. Ни одни проявления волевого отношения субъекта к самому деянию не влияют на форму вины: если он осуществляет общественно опасное деяние, осознавая его общественно опасный характер, вопрос о том, хотел ли он совершить это деяние, лишён уголовно-правового значения. Волевой момент в таких преступлениях отсутствует, поскольку желание действовать не может представлять волевой момент вины. Само деяние является волевым актом, поэтому словосочетание «волевое деяние» является тавтологией. Под желанием в психологической литературе понимается стремление к конкретному результату, что предусматривает сознательное и целенаправленное действие человека. Как справедливо отмечает Р.В. Вереща, наличие в уголовно-правовой формуле вины такого элемента, как желание субъекта, свидетельствует о намерении включить в вину волевой момент — побуждение преступного поведения [12, с. 151]. Деяние не является ни отражением стремлений лица, ни побуждением преступного поведения, это лишь способ для достижения цели и реализации преступных намерений. Если деяние совершается про-



тив воли человека, то в этом случае вина вообще исключается.

Можно согласиться с Б.С. Никифоровым, который отмечает, что если лицо совершает деяние, осознавая его характер, это означает, что оно хочет совершить это деяние. Если кто-то желает, чтобы его деяние не имело определённого характера, он не совершает это деяние. Возможность совершения человеком деяния, характер которого он осознаёт, но не желает, исключается как по правилам логики, так и психологически [13, с. 117]. Следует также согласиться с позицией А.Н. Готина, который отмечает, что желание или нежелание совершить общественно опасные деяния в преступлениях с формальным составом для квалификации не имеют значения, и только могут учитываться при назначении наказания. Оставление общественно опасных последствий за пределами состава преступления никак не означает, что воля направлена на деяние, а не на последствие. Другое дело, которое находится вне состава преступления, лишено уголовно правового значения [14, с. 175-176].

Волевой момент прямого умысла – это желание наступления предполагаемых последствий своего деяния. Обычно человек в этом случае стремится достичь определённой цели, удовлетворить ту или иную потребность. Согласно тому же А.И. Рарогу, последствия в этом случае могут выступать в качестве конечной цели, промежуточного этапа на пути к достижению конечной цели, средства для достижения цели, как неизбежный сопутствующий элемент.

Для квалификации по ст. 388 Уголовного кодекса Украины не суть важно, когда возникло или сформировалось у субъекта преступное намерение.

К факультативным признакам субъективной стороны традиционно относят мотив и цель преступления, а также эмоциональное состояние виновного во время совершения им преступного деяния. Мотив и цель тесно связаны между собой. Е.В. Ворошилин и Г.А. Кригер отмечали, что если выяснение мотива помогает ответить на вопрос, почему человек совершил преступление, то выяснение цели помогает понять, ради чего человек допустил общественно опасное поведение. Процесс мотивации предусматривает

постановку определённой цели; мотив является той активной силой, которая ведёт субъекта к цели [15, с. 52].

Мотив преступления – это обусловленные определёнными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у человека решимость совершить преступление и которыми он руководствуется при его совершении [16, с. 732]. Цель преступления – это модель следующего результата, то, к чему стремится, чего добивается лицо, совершая преступление. Таким образом, если мотив – это побуждение, то цель – это желаемый конечный результат преступной деятельности.

Исходя из побудительных причин совершения преступного деяния, А.В. Наумов классифицирует мотивы: мотивы-потребности, мотивы-эмоции (мотивы-чувства) и мотивы-интересы [17, стр. 245]. Анализ ст. 388 Уголовного кодекса Украины даёт основания говорить, что цель совершения данных преступлений может быть любой, однако мотивом, как правило, является имущественный (нежелание передавать нажитое имущество в собственность государства) или неимущественный интерес (желание «выслужиться» перед руководством). О таком интересе можно судить из формулировки составов деяний, которые предусмотрены в указанной статье, а именно «хищение», «отчуждение», «подмена», «нарушение ограничения (обременения) права использования», «совершение банковских операций со средствами», а также исходя из родового и непосредственно объектов преступления.

Выводы. Субъективная сторона создаёт психологическое, то есть субъективное содержание преступления, поэтому является его внутренней, в сопоставлении с объективной, стороной. Умысел преступления, предусмотренного ст. 388 Уголовного кодекса Украины, является однозначно прямым, и волевой, и интеллектуальный моменты следует рассматривать только с позиции прямого умысла. Мотив и цель данного преступления, исходя из анализа, могут быть любыми, но следует констатировать, что в большинстве случаев эти преступления совершаются только из корыстных побуждений и имеют целью (вместе или отдельно): 1) личные ценности и интересы, касающиеся соответствующего

имущества: а) обогащение (растрата, отчуждение, сокрытие, подмена); б) нанесение вреда (повреждение, уничтожение); в) другая цель (нарушение ограничения права на использование имущества); 2) нанесение вреда порядку и системе правосудия. Кроме того, следует отметить, что проведённое исследование субъективной стороны в контексте указанного преступления, по моему мнению, поможет в определении реальной причины совершения таких преступных деяний для их предотвращения.

Список использованной литературы:

1. Кримінальне право України. Загальна частина: Схеми. Таблиці. Визначення: Навч. посібник / За ред. Є.В. Фесенка. – К.: Юрінком Інтер, 2007. – 272 с.
2. Рарог А.И. Субъективная сторона преступлений. – М.: ООО «Профобразование», 2001. – 135 с.
3. Козлов А.Н. Понятие преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.
4. Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, С.Б. Гавриш та ін. За заг. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Вид. четверте, доповн. – Х.: ТОВ «Одіссей», 2008. – 1208 с.
5. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України (2-е вид., перероб. та доп.) / За заг. ред. П.П. Андрушка, В.Г. Гончаренка, Є.В. Фесенка. – К.: Дакор, 2008. – 1428 с.
6. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. – 9-те вид., переробл. та доповн. / За ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. – К.: Юридична думка, 2012. – 1316 с.
7. Орлов П.І. Завідомість як ознака вини // Радянське право. – 1984. – № 6. – С. 54-57.
8. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спец. вищ. закладів освіти / М.І. Бажанов, Ю.В. Баулін, В.І. Борисов та інші; за ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – К.: Харків: Юрінком Інтер – Право, 2002. – 416 с.
9. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. – СПб.: ЮЦП, 2002. – 291 с.



10. Иванов Н.Г. Умысел в уголовном праве России // Российская юстиция. – 1995. – № 12. – С. 16-18.

11. Дагель П.С. Субъективная сторона преступления и её установление. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. – 243 с.

12. Вереша Р.В. Поняття вини як елемент змісту кримінального права України. – К.: Атіка, 2005. – 224 с.

13. Никифоров Б.С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 115-120.

14. Готін О.М. Випуск або реалізація недоброякісної продукції в умовах ринкової економіки: проблеми кримінальної відповідальності: Монографія / Наук. ред. А.А. Музика. – Луганськ: РВВ ЛІАВС, 2004. – 288 с.

15. Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления: Учебное пособие. – М.: Издательство московского университета, 1987. – 75 с.

16. Энциклопедия уголовного права. Т.4.: Состав преступления. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. – 798 с.

17. Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. В двух томах. – Т.1: Общая часть. – М.: Юрид. лит., 2004. – 496 с.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ РЕШЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ ИСТОЧНИКАМИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УКРАИНЫ

Ирина ЛАСЬКО,

ассистент кафедры трудового, аграрного и экологического права
юридического факультета

Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

In the article the author examines the legal nature of the decisions of the administrative courts of Ukraine. She grounds the normativeness of the decisions. In particular, they are taken by the competent state bodies, containing the general rules of conduct that extended their effect to the indefinite number of persons. The author points out that they extend their effect to all the subjects of the relations, regulated by the complained legal act, and that have the same social status as the complainant. Furthermore, decisions of the administrative courts, made in the sphere of social security, are formally defined, known and mandatory. On this basis, the author concludes that these decisions relate to the sources of social security law.

Key words: decision of the administrative court of Ukraine, source of law, Control of norms, normative judgments, the right to social security.

Аннотация

В статье автор исследует правовую природу решений административных судов Украины. Обосновывает наличие нормативного характера в этих судебных решениях: они принимаются компетентными органами государства, содержат общие правила поведения, которые распространяют свое действие на неопределенный круг лиц. При этом автор замечает, что они распространяются на всех субъектов правоотношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, и которые имеют одинаковый с истцом социальный статус. Кроме того, решение административных судов, которые приняты в сфере социального обеспечения, являются формально определенными, общеизвестными и общеобязательными. На основании этого автор делает вывод о принадлежности их к системе источников права социального обеспечения.

Ключевые слова: решение административных судов Украины, источники права, нормоконтроль, нормативность решений судов, право социального обеспечения.

Постановка проблемы. На протяжении почти всей истории своего развития отечественное законодательство той или иной степени допускало обжалования в суде нормативно-правовых актов государственных органов (их должностных лиц). В советские времена такие административные дела рассматривались по правилам гражданского и хозяйственного судопроизводства. После принятия 6 июля 2005 г. Кодекса административного судопроизводства Украины [1] рассмотрение таких дел регулируется этим нормативно-правовым актом. По мнению В.Б. Градова, с принятием этого кодекса можно говорить о полноценном административном судопроизводстве в Украине [2, с. 222].

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что в научной литературе обычно внимание

ученых привлекают вопросы общетеоретического характера по административному судопроизводству. При этом неисследованными остаются вопросы правовой природы решений судов, принятых в результате такого судопроизводства, а также их значение в правовом регулировании общественных отношений, в частности отношений в сфере социального обеспечения.

Состояние исследования. Данная проблематика частично охватывалась в научных исследованиях таких ученых-юристов, как: С.В. Шевчук, Э.К. Замотаев, А.С. Духневич, Л.А. Морозова, Р.З. Лившиц, что стало базой для дальнейшего исследования вопросов, которые мы рассматриваем.

Целью и задачей статьи является исследование решений административных судов как источников права